

Николь де Лорес

Скорость тишины

Красная зона

ЧТОБЫ ПОБЕДИТЬ НА ТРАССЕ МЕЧТЫ,
НУЖНО ОТПУСТИТЬ ПРОШЛОЕ.

Николь Лорес

Скорость тишины.

Красная зона.

<https://litres.ru/74256698>

SelfPub; 2026

Аннотация

Их главная гонка еще впереди. Регина и Дэн — команда, пилот и инженер, двое влюбленных, бросивших вызов судьбе. Впереди — Сан-Ремо, трасса по горам, где скалы слишком близко, а право на ошибку равно нулю. Это еще одна трасса, о которой Дэн мечтал восемь лет назад вместе со своим погибшим другом Сашей. Теперь они едут туда вдвоем, чтобы исполнить чужую мечту и доказать, что прошлое больше не имеет власти.

Но у прошлого длинные тени. Накануне старта Дэна накрывает страх: он боится, что его голос снова станет причиной катастрофы. Сможет ли он, бывший врач, доверить себе жизнь любимой женщины на скорости?

Их ждет солнечная Италия, новая команда во главе с механиком Лучано и старые стенограммы Саши. Гонка под проливным дождем превратится в испытание на прочность их чувств. Чтобы увидеть клетчатый флаг и подняться на подиум, им придется не просто обогнать соперников, а научиться дышать в

унисон и отпустить то, что держало их в плену долгие годы. Это гонка за любовь. Гонка за право жить.

Содержание

Пролог. Золото страны (Регина).	5
Глава 1. Две лицензии (Дэн).	10
Глава 2. Старая рация (Регина).	15
Глава 3. Мечта на двоих (Дэн).	20
Глава 4. Стенограмма (Регина).	30
Глава 5. Чужая трасса (Регина).	38
Глава 6. Фред (Регина).	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Скорость тишины. Красная зона.

Пролог. Золото страны (Регина).

Утро, Сильверстоун.

Сосны, припорошенные снегом, проносятся за окнами сплошной бело-зеленой стеной, сливаясь в визжащий от скорости ветер. Я не вижу их по отдельности. Я вижу только трассу — узкую ленту асфальта, вгрызающуюся в сугробы, и светоотражающие вешки, мелькающие как пульс. Рев двигателя заглушает все: мысли, страх, время. Есть только «здесь» и «сейчас».

— Сто! — голос Дэна в гарнитуре шлема звучит жестко, без тени сомнения. — Левым в касание!

Я даже не думаю. Мои руки живут своей жизнью. Бросок руля влево, легкий удар задним бампером в сугроб — машина вильнула, но не потеряла темпа, а наоборот, ввинтилась в поворот. Мы дышим в унисон. Он читает дорогу на два хода вперед, а я чувствую его позывные кожей. Когда мы в связке, мы непобедимы.

Финишная черта. Красный створ.

Я выжимаю педаль в пол до самого конца, до отсечки, и только за лентой давлю на тормоза. Тишина давит на уши, за-

полняя их ватой после рева мотора. Я сижу. Снежинки медленно падают на лобовое стекло и тут же тают. Дэн молча подходит ко мне, протягивает руку и сжимает мое плечо. Коротко и крепко. Это дороже любых криков «ура». По радиии в треске помех прорывается вопль команды: мы выиграли!

Выхожу из машины. Ноги гудят после двух часов в кокпите, мышцы ноют, позвоночник напоминает о себе тупой болью — но это хорошая боль. Живая. Я вдыхаю морозный воздух полной грудью, и он обжигает легкие. Команда, радующаяся как дети, ликующие трибуны и множеством плакатов. Чувство окрыляет и опьяняет одновременно, отчего ноги так и норовят подкоситься.

Хлопья снега кружатся в свете прожекторов. Я стою на верхней ступени подиума, в одной руке кубок, в другой — откупоренная бутылка, из которой хлещет ледяной поток. Толпа внизу ликует, фотографии щелкают затворами. Дэн стоит внизу. Он улыбается, машет рукой, подставляя лицо брызгам шампанского. Смеялся, когда во время празднования с командой я вылила остатки ему на голову. Выглядел счастливым — по-настоящему, без масок, без брони.

Но я видела... Я всегда вижу.

Тень. Она ложится на его глаза именно в ту секунду, когда наши взгляды встречаются. Легкое облачко, заслонившее солнце. Он счастлив, да. Он гордится мной, он любит меня, он здесь, со мной, на вершине мира. Но там, в глубине, живет что-то темное, что этот подиум не в силах осветить. Что-

то, что не лечится ни победами, ни шампанским, ни моей любовью.

Дима смотрит на золото кубка, но видит что-то другое. Кого-то другого...

Я знаю. Я догадывалась и раньше — по тому, как он замирал, глядя на трассу в Монако по телевизору. По тому, как его пальцы сжимались, когда комментатор называл имена пилотов, с которыми они с Сашей когда-то гонялись. По тому, как он отводил взгляд, когда я спрашивала: *«Ты хотел бы туда поехать?»*. Но сегодня, на подиуме Сильверстоуна, эта тень была особенно темной и болезненной.

Номер гостиницы. Поздний вечер.

За окном тихо падает снег, заглушая звуки города. Я сижу на кровати, обхватив руками чашку с чаем. Кубок стоит на тумбочке, тускло поблескивая в приглушенном свете. Дэн ходит по комнате из угла в угол. Победа уже отпустила, оставив после себя только опустошение и этот его ноющий взгляд.

— Знаешь, что я думаю? — он останавливается у окна, не оборачиваясь. — Сан-Ремо... Ралли международного уровня. Организаторы звонили и предлагали поехать. Говорят, наш стиль прекрасно ляжет на их трассу. Горный серпантин, асфальт...

Я молчу. Сан-Ремо — это не просто гонка. Это была еще одна мечта Дэна, которая не была осуществлена. Где не по-

бывал Александр, его пилот. Его лучший друг.

— Вернуться в гонки было правильным решением, — тихо говорю я.

— Вернуться? — он резко оборачивается, и в его глазах та самая тень. — Ты знаешь, что я нашел?

Он подходит к столу, долго возится с замком спортивной сумки, которую всегда возит с собой, и достает маленькую черную флешку. Обычную, затертую до блеска.

— Разбирали гараж Саши. Его родители попросили, прислали мне коробку с его старыми вещами. Думал, там каски, перчатки. А нашел вот это, — он подбрасывает флешку на ладони. — Он всегда все записывал. Стенограммы, заметки, планы. Диктофон включал в машине, чтобы потом разбирать ошибки. Я думал, что мы это стерли все после аварии. А он, оказывается, заранее сделал копию.

Дэн вставляет флешку в ноутбук. На экране загружается папка с датами. Я подхожу и встаю за его спиной, положив руки ему на плечи. Он открывает один из файлов. Голос Александра — молодой, задорный, живой — заполняет номер:

«...Так, Данек, штурман наш великий, давай прогоним пятый спецучасток. После того «шпильки» не зеваем, там съезд жесткий, будем резать...»

Дэн замирает. Его плечи напрягаются под моими ладонями. Я представляю, как ему больно. Как будто переживает тот момент, когда его мир раскололся пополам.

Я сажусь на подлокотник кресла и беру его лицо в свои ладони, заставляя посмотреть на меня. В его глазах стоит влага, которую он никогда не позволит себе пролить.

— Это не просто боль, Дэн, — говорю я твердо, глядя прямо в его глаза. — Это не просто память...

Я перевожу взгляд на экран, где застыл плейлист с голосом его друга.

— Это наше оружие.

Он смотрит на меня непонимающе.

— Мы не сможем вернуть его, — продолжаю я. — Но мы можем «взять» его с собой. Туда, куда он не смог приехать. Мы проедем Сан-Ремо так, как вы мечтали его проехать. Мы можем использовать его записи и пометки. Мы сделаем так, чтобы его голос снова звучал на тех дорогах. В победном тоне.

Я киваю на ноутбук.

— Давай посмотрим. Теперь это наше общее. Наш план и наша победа.

Дэн молчит долгую минуту. Тень в его глазах не исчезает, но рядом с ней загорается другой огонек. Жесткий, холодный, похожий на свет фар, разрезающих зимнюю ночь.

Он молча жмет на экране «Воспроизвести», и голос Александра снова заполняет тишину гостиничного номера, унося нас в сторону далекого итальянского Сан-Ремо.

Глава 1. Две лицензии (Дэн).

Утро встретило меня серостью за окном и странным чувством пустоты в груди. Я стоял у окна в нашей спальне, смотрел на пустырь за домом и пытался понять, что я чувствую. Страх? Волнение? Облегчение? Все сразу. В руке была кружка с остывшим кофе, который я забыл выпить минут двадцать назад.

— Если ты будешь так прожигать дыру в стекле, мы замерзнем, — сонный голос Регины выдернул меня из размышлений.

Она перевернулась на другой бок, кутаясь в одеяло, и бросила взгляд на часы. Половина седьмого.

— Ты чего не спишь?

— Не могу, — ответил я. — Сегодня последний день.

Регина приподнялась на локте, откинула с лица спутанные волосы. Даже сонная, с припухшими глазами, она была красивой. Наверное, я никогда к этому не привыкну.

— Ты волнуешься? — спросила она.

— Не знаю. Странно все. Шесть лет в одной больнице, каждый день, как по расписанию. А сегодня приду, заберу документы и все... Как отрезать кусок жизни.

Регина села, подобрав под себя ноги, и посмотрела на меня внимательно. Так, как умеет только она. Не просто смотрит — видит насквозь.

— Это не отрезать, — сказала она тихо. — Это открыть новый. Там, где вместо больничных коридоров — трассы. Вместо историй болезней — стенограммы.

Я усмехнулся.

— Истории болезней, кстати, писать легче. Там хоть понятно, что с пациентом будет через час. А тут...

— А тут я, — Регина улыбнулась. — И я обещаю, что через час с нами будет все хорошо. Иди уже. А то опоздаешь в свой последний день.

Больница встречала привычными запахами: хлорка, лекарства, разогретая еда из столовой. Коридоры, по которым я ходил тысячи раз, казались сегодня чужими. Провожающие взгляды медсестер, кивки коллег, чьи-то вопросы о погоде — все это проплывало мимо, как в тумане.

Я зашел в ординаторскую и замер на пороге.

Над моим столом висел плакат. Глянцевый, из типографии. На плакате красовалась фотография машины ралли, а рядом с ней я ф форме команды. Подпись внизу гласила: *«Наш Шумахер уходит в свободный полет!»*.

На столе, заваленном бумагами и чашками, стоял шлем. Старый, потертый, но с одной важной деталью — на боку красовался автограф. Если присмотреться, можно было разобрать надпись: «Ким Райкконен».

— Ну как тебе? — Ивон, старшая медсестра, стояла в углу и довольно улыбалась. — Специально искали, чтобы с автографом! Правда, Ким, кажется, так не пишет, но мы ста-

рались.

Я смотрел на этот шлем и чувствовал, как к горлу подступает комок. Дурацкий, смешной, нелепый подарок. Они правда старались. Они правда хотели сделать приятно.

— Ребята, вы... — голос предательски дрогнул. — Это слишком.

— Да ладно вам, Спирс, — Ивон махнула рукой. — Ты шесть лет лечил, а мы тебе просто шлем подарили.

В ординаторской начали собираться остальные. Кто-то хлопал по плечу, кто-то жал руку, кто-то шутил про то, что теперь я буду лечить не людей, а железки. Я улыбался, кивал, отвечал на шутки, но внутри было странное чувство. Словно я уже не здесь. Словно я смотрю на все это откуда-то со стороны.

— Так, артист, — голос заведующего отделением, заставил всех замолчать. — Иди-ка сюда.

Он стоял в дверях своего кабинета — грузный, седой, с вечной усталостью в глазах. Я прошел мимо коллег и замер на пороге.

— Заходи, не стесняйся, — он махнул рукой. — Разговор есть.

Я зашел. Кабинет заведующего всегда казался мне музеем советской медицины — старые шкафы, стопки историй болезней, портрет какого-то светила на стене. Он сел в кресло и указал мне на стул напротив.

— Значит, уходишь, — не спросил, констатировал он.

— Да.

— В гонки эти свои?

— В формулу, — поправил я мягко.

— Один черт, — он махнул рукой. — Скорость, риск, адреналин. Я, знаешь, думал, ты человек серьезный, а ты... Ладно, не мое дело.

Он полез в ящик стола и достал оттуда небольшой конверт.

— Вот, держи.

Я взял конверт, заглянул внутрь. Там лежала старая, пожелтевшая фотография. Двое парней в гоночных комбинезонах, обнявшись, стояли у машины. Я узнал Сашу сразу. И себя — молодого, счастливого, без тени в глазах.

— Откуда? — выдохнул я.

— Пациент один принес, — заведующий пожал плечами. — Лет пять назад. Сказал, что ты его с того света вытащил. А фотку эту нашел у себя в старом альбоме, решил тебе отдать. Я все забывал, а тут вспомнил. Думаю, сейчас или никогда.

Я смотрел на фотографию и не мог отвести взгляд. Саша улыбался. Широко, открыто, как умел только он. Рука на моем плече, в глазах — азарт и предвкушение. Мы тогда только готовились к тем самым гонкам. Мы еще не знали, чем все кончится.

— Ты это, — заведующий кашлянул, отводя взгляд. — Береги себя там и не гробанись. А если что — мы тебя подлечим.

Я поднял на него глаза. Сухой, ворчливый старик, который никогда не говорил теплых слов, сейчас смотрел на меня почти по-отечески.

— Спасибо вам.

— Иди уже, — он махнул рукой. — А то раскиснешь тут, а мне еще отчеты писать.

Я вышел из кабинета, сжимая в руке конверт с фотографией. Коллеги все еще толпились в ординаторской, кто-то наливал чай, кто-то обсуждал новый сериал. Обычный день. Только для меня он был последним.

— Спирс, — окликнула Ивон. — А шлем-то заberi! Ты чего, забыл.

Я обернулся. На моем столе сиротливо стоял тот шлем с автографом Кима Райкконена.

— Не забуду, — улыбнулся я.

Глава 2. Старая рация (Регина).

Я смотрела на часы уже в пятый раз за последние полчаса.

Дэн должен был прийти с минуты на минуту. Его последний день в больнице. Я представляла, каково ему сейчас: прощаться с коллегами, с которыми проработал шесть лет, закрывать дверь в кабинет, в котором провел тысячи часов.

На плите что-то шипело и, кажется, подгорало.

Я метнулась к плите и схватила сковородку. Котлеты, которые я так старательно лепила, больше напоминали угольки с одной стороны. Я перевернула их и поморщилась — вторую сторону ждала та же участь, если я сейчас что-то не сделаю.

— Черт, — выдохнула я, убавляя огонь.

Готовка никогда не была моей сильной стороной. В гонках я знала, что делаю. Я чувствовала машину, чувствовала трассу, чувствовала момент, когда надо нажать на газ. А тут — газ на плите, котлеты, картошка — полная неизвестность. Мама звонила вчера и полчаса объясняла, как правильно жарить. Я записала, но, кажется, все перепутала.

Я выключила плиту и посмотрела на результат своих трудов. Котлеты напоминали подошвы. Картошка, которую я пыталась сделать пюре, комковалась и выглядела подозрительно. Единственное, что удалось — салат. Но салат трудно испортить, если не пересолить. Я попробовала. Кажется, не

пересолила.

Звякнул замок входной двери.

— Я дома, — раздался голос Дэна из прихожей.

Я выдохнула, вытерла руки о полотенце и вышла встречать.

Он стоял в коридоре с большим пакетом в руках. В пакете торчало что-то круглое и явно тяжелое.

— Это что? — спросила я, кивая на пакет.

— Подарок от коллег, — Дэн усмехнулся, но в глазах было что-то теплое. — Шлем с автографом.

— Ого! Дай посмотреть.

Я заглянула в пакет и улыбнулась. Старый, потертый шлем, на боку которого было выведено: «Ким Райкконен».

— Они старались, — сказала я, пряча улыбку.

— Они молодцы, — Дэн повесил куртку и вдруг протянул мне конверт. — А это... это заведующий дал.

Я открыла конверт и достала фотографию. Двое парней у машины. Молодой Дэн — я узнала его сразу, хотя с тех пор, как я полагаю, прошло много лет — и Саша. Красивый, улыбающийся, с огнем в глазах.

— Это за день до... — Дэн не договорил.

Я подошла к нему и обняла, прижимаясь щекой к груди. Чувствовала, как бьется его сердце.

— Ты молодец, что прошел через это, — сказала я тихо.

— Я не проходил, — ответил он, обнимая меня в ответ.

— Я просто закрыл глаза и шел.

— Теперь будешь с открытыми, — я подняла голову и посмотрела ему в глаза. — Идем. Я там ужин приготовила.

— Ты? — Дэн удивленно поднял брови.

— А что такого? — я сделала вид, что обиделась. — Я умею готовить. Ну... почти.

На кухне Дэн посмотрел на мои котлеты и деликатно промолчал. Потом перевел взгляд на комковатое пюре и снова промолчал. Сел за стол, взял вилку и отрезал кусочек от самой удачной котлеты.

— Вкусно, — сказал он, прожевав.

— Врешь, — я села напротив. — Но спасибо.

— Нет, правда, — он отрезал еще кусочек. — Немного подгорело, но вкусно.

Я улыбнулась. С ним было легко. Даже когда я готовила угольки, он находил способ сказать, что все хорошо.

После ужина Дэн ушел в комнату разбирать вещи. Я домывала посуду и краем глаза наблюдала за ним в открытую дверь.

Он сидел на полу, окруженный снаряжением. Шлемы, комбинезоны, ботинки, какие-то тетради, документы. Все новое, пахнущее пластиком и тканью. Все его. Все наше.

И вдруг я заметила это.

В углу комнаты, отдельно от всего, лежала старая рация. Потертая, с облупившейся краской и маленькой трещина. Рядом с ней находилась новая гарнитура — профессиональная, дорогая, с системой шумоподавления, которую мы ку-

пили в прошлом месяце.

Старое и новое. Сашино и Дэна. Прошлое и настоящее.

Дэн взял в руки старую рацию и замер. Смотрел на нее, не отрываясь, и я видела, как он сжал губы в тонкую линию.

Я выключила воду, вытерла руки и подошла к нему. Села рядом на пол, обхватив колени руками. Ничего не сказала. Просто сидела рядом. Он повернул голову, посмотрел на меня. В глазах — благодарность за то, что я не лезу с вопросами, не требую объяснений.

Я встала, подошла к плите, налила в тарелку суп (хоть он у меня получился нормально) и поставила перед ним на журнальный столик. Потом вернулась на кухню, взяла вторую тарелку для себя и села рядом.

Мы ели молча. Старая рация так и лежала в углу, новенькая рация стоял рядом. Две эпохи и две жизни. Две лицензии на право быть счастливым.

— Знаешь, — сказал Дэн, когда тарелки опустели. — Я сегодня подписал бумаги. Забрал трудовую, личную карточку, все дела. И вдруг понял, что мне страшно.

— Чего? — спросила я.

— Что у меня получится, — он посмотрел на меня. — Я не смогу или голос сорвется в самый ответственный момент. И ты поймешь, что ошиблась, выбрав меня...

Я отставила тарелку и повернулась к нему.

— Слушай сюда, Даниэль Морган Спирс, — сказала я твердо. — Я не ошибаюсь в людях. Я могу ошибиться в по-

воротах, в стенограммах, даже в котлетах. Но в тебе — нет, ведь ты мой штурман. Ты — мой мужчина и моя вторая половинка, которую я искала всю жизнь. И если ты сейчас начнешь сомневаться, то я тебя ударю...

Он улыбнулся. Наконец-то по-настоящему.

— Спасибо, — сказал он.

— И за что же я получаю благодарность?

— Что не лезешь в душу, когда я закрываюсь. И подбадриваешь, когда я сижу и смотрю в стену. За то, что веришь...

Я придвинулась ближе и положила голову ему на плечо.

— А ты верь в меня, — сказала я. — И у нас все получится.

За окном темнело. На дворе за домом зажигались редкие фонари. А мы сидели на полу, окруженные снаряжением, и учились быть вместе. По-настоящему. Без оглядки на прошлое и без страха перед будущим.

Старая Сашина рация молчала в углу. Но мне почему-то казалось, что если бы она могла говорить, она сказала бы: *«Все правильно, брат. Ты заслужил»*.

Глава 3. Мечта на двоих (Дэн).

8 лет назад.

Воздух в гараже пах бензином, маслом и молодостью.

Этот запах не спутать ни с чем. Он въедается в кожу, в волосы, в одежду, остается с тобой навсегда. Даже сейчас, стоит мне закрыть глаза — и я снова там. В прокуренном боксе на окраине города, где собирали по винтикам нашу первую машину.

Я сидел на перевернутом ящике из-под запчастей и смотрел, как Саша возится с двигателем. Руки в масле, на лбу — масляная полоса там, где он вытирал пот, волосы взлохмачены, в зубах — погасшая сигарета.

— Ты бы хоть зажег, — сказал я, кивая на сигарету.

— Не, — Саша мотнул головой, даже не обернувшись. — Я когда думаю, она сама гаснет. Организм такой: или мозги, или никотин. Одновременно не работает.

Я рассмеялся: Саша умел пошутить. Это был его дар — делать смешным даже самый дурацкий день.

— Данек, глянь-ка, — он вылез из-под капота и отступил на шаг, любуясь своей работой. — Красота же?

Я посмотрел на машину. Потрепанная Audi, которую мы дешево купили. Не лучшего состояния, немного погнутая, с двигателем, который мог чихать и кашлять, как старый дед. Саша перебрал ее практически с нуля. Сам, своими руками.

— Красота, — согласился я.

И это была правда. Для нас она была красивой.

Саша подошел к старому холодильнику, который стоял в углу гаража и достал оттуда бутылку пива. Дешевого, с этикеткой, которая отклеивалась по краям.

— Заслужили, — объявил он, откручивая пробку. — Стаканы где?

— Там, — я кивнул на полку.

Стаканами служили две кружки. Саша разлил пиво, и мы чокнулись. Жидкость была кислой и чуть сладковатой, но в тот момент она казалась нектаром.

— Ну, за нас, — Саша поднял свой «бокал». — За то, чтобы через год мы пили шампанское на подиуме в Сан-Ремо.

— Мечтай, — усмехнулся я.

— А ты не мечтай? — он посмотрел на меня с прищуром. — Ты вообще умеешь мечтать, Спирс? Или только в больничке своей будешь сидеть до пенсии?

Я промолчал. Тогда я еще учился в медицинском и действительно не знал, как совмещать учебу с гонками. А Саша... Саша жил гонками. Дышал ими. Для него не было ничего другого.

— Ладно, — Саша махнул рукой и полез куда-то под верстак. — Смотри, что у меня есть.

Он достал старый ноутбук с потертой клавиатурой. Поставил его на ящик, покопался в файлах и довольно улыбнулся.

— Готов?

На экране замелькали кадры. Горный серпантин, яркое солнце, толпы зрителей. Ралли Сан-Ремо. Я узнал сразу — эти гонки мы смотрели сто раз, но Саша никогда не уставал их пересматривать.

— Смотри, смотри, — он ткнул пальцем в экран. — Видишь, как он входит в поворот? Это ж поэзия, Данек. Чистая поэзия.

Машина на экране скользила по асфальту, выписывая идеальную траекторию. Саша смотрел завороченно, как ребенок на новогоднюю елку.

— Я там буду, — сказал он тихо, но твердо. — Через год. Или два. Или пять... Но я буду там.

— Будешь, — кивнул я.

— И ты со мной.

Я поднял бровь.

— С чего ты взял?

Саша повернулся ко мне. Глаза его горели — я никогда не видел такого огня ни у кого. Это был не просто азарт. Это была одержимость. Чистая, светлая, настоящая.

— С того, что ты лучший, — сказал он просто. — Я знаю кучу штурманов, Данек. Умных, опытных, с регалиями. Но ни одному из них я не доверю свою жизнь. А тебе — доверю.

Я смутился. Саша умел говорить такие вещи в лоб, без стеснения, отчего становилось неловко и тепло одновременно.

— Ты просто других не видел, — буркнул я, отворачива-

ясь к экрану.

— Видел, — Саша хлебнул пива из кружки. — И знаешь, что я понял? Штурман — это не тот, кто громче всех кричит «лево-право». Штурман — это тот, кто видит дорогу раньше, чем она появляется.

Он ткнул меня пальцем в грудь.

— Ты мой глаза на затылке, Дэн. Понимаешь? Я могу крутить баранку, жать на газ, чувствовать машину. Но без тебя я слепой. Как слепой щенок. А с тобой я вижу все. Каждый камешек, каждую ямку, каждый поворот, который еще не наступил.

Я смотрел на него и чувствовал, как внутри разливается что-то теплое. Мы были знакомы уже пару лет, росли в одном дворе, дрались с пацанами, бегали от ментов, когда глушили рыбу в пруду. Но таких слов Саша мне никогда не говорил.

— Ты это... — я замялся. — Перебрал, что ли?

— Не, — Саша рассмеялся. — Трезв как стеклышко. Просто хочу, чтобы ты знал и запомнил это. Мы с тобой — команда. Не просто экипаж, а команда.

Он протянул мне свою кружку.

— За команду?

Я чокнулся.

— За команду.

Мы пили пиво, смотрели на ноутбуке записи гонок, и мир казался бесконечным. Впереди было все: европейское солнце, серпантины, подиумы, шампанское. Мы были молодыми,

глупыми и бессмертными.

Саша вдруг вскочил и начал ходить по гаражу, размахивая руками.

— Представь! — говорил он. — Мы приезжаем в Сан-Ремо. Нас встречают итальянцы, такие все важные, в костюмах. А мы — два парня из города, где ралли видели только по телеку. И мы делаем их всех! Всех, Данек! Локальные эти ребята с папочками-спонсорами, профи, у которых с детства все было. Мы выходим и делаем!

— Сначала бы мотор перебрать, — вставил я.

— Мотор — ерунда, — отмахнулся Саша. — Мотор — это железо. Его починить можно. А вот если в голове нет огня — никакой мотор не спасет.

Он остановился напротив меня и вдруг стал серьезным.

— Ты знаешь, чего я боюсь?

— Чего?

— Что однажды проснусь и пойму, что уже поздно. Что я старый, больной, никому не нужный. Что мечты так и остались мечтами. Понимаешь? Страшно не разбиться. Страшно не попробовать.

Я смотрел на него и понимал, что он прав. Абсолютно прав. Страшно не попробовать. Страшно состариться в своей больнице, в своей квартире, в своей обычной жизни и так и не узнать, что там, за горизонтом.

— Попробуем, — сказал я.

— Что?

— Попробуем, — повторил я. — В Сан-Ремо... Вместе.

Саша расплылся в улыбке. Такой широкой, открытой, счастливой улыбки я не видел ни у кого никогда. Он подскочил ко мне и сгреб в охапку, чуть не сбив с ящика.

— Я же знал! — кричал он. — Я знал, что ты согласишься! Данек, мы сделаем это! Мы будем лучшими!

— Да погоди ты, — смеялся я, пытаюсь вырваться. — Это ж не завтра.

— А хоть и не завтра! — Саша отпустил меня и снова забегал по гаражу. — Главное — мы идем к этому. Мы вместе, а все остальное — детали.

Он снова сел за ноутбук и включил запись.

— Смотри сюда, — он ткнул пальцем в экран. — Вот этот поворот. Видишь, как они тормозят? А надо позже. Надо на грани, на зубах, но позже. Я тебе потом покажу, на стенограмме...

Я слушал его вполуха, смотрел на экран, пил пиво и чувствовал, как внутри прорастает что-то новое. То, чего я раньше не знал. Надежда? Вера? Мечта?

Наверное, все сразу.

За окнами гаража темнело. Где-то лаяли собаки, проехала машина, кричали пацаны во дворе. Обычный вечер в обычном городе. Но для нас он был особенным. Потому что именно тогда, в этом гараже и с потрепанным ноутбуком, мы решили, что будем жить по-настоящему.

Саша говорил без остановки. Строил планы, рисовал тра-

ектории, объяснял, как надо проходить серпантины. А я сидел и слушал, и мне казалось, что в его голосе звучит музыка.

— Штурман, — окликнул он, перестав жестикулировать.
— Ты знаешь, почему я хочу, чтобы именно ты был моим штурманом?

— Потому что я дешевый?

— Потому что ты не боишься, — он посмотрел мне прямо в глаза. — Ты думаешь, что боишься. Ты себя считаешь трусом, осторожным, правильным. А на самом деле ты смелый. Самый смелый из всех, кого я знаю...

— С чего ты взял?

— С того, что ты со мной, — Саша улыбнулся. — Со мной же никто не выдерживает. Я псих, ненормальный, с приветом. А ты держись... И не просто держись — ты меня направляешь. Ты моя страховка, мой тормоз и моя совесть.

Он хлопнул меня по плечу.

— Без тебя я бы давно разбился, Данек. Ты — мои глаза на затылке. Запомни это.

Я запомнил все: запах масла и бензина, пиво из кружки, экран старого ноутбука, счастливые глаза Саши. Я запомнил, как мы мечтали. Как строили планы и как верили, что все получится.

И запомнил это, потому что через два месяца Саши не стало... А мечта осталась. И эти глаза на затылке, которые он во мне увидел, остались. И вина за то, что я не смог его уберечь, осталась.

(Регина)

Я смотрела на Дэна, который сидел на полу, сжимая в руках старую фотографию, и чувствовала, как сердце сжимается от боли. Он не рассказывал мне про этот вечер. Никогда. Я знала только обрывки и кусочки, которые он выдавал в минуты откровенности. Но сейчас, глядя на его лицо, на то, как дрожат его руки, я видела всю историю целиком...

Тот парень с фотографии — Саша — был жив. Он стоял рядом с Дэном, обнимал его за плечи, улыбался. Он не знал, что через два месяца умрет. И он не знал, что его лучший друг будет носить эту вину в себе всю жизнь...

Я подошла к Дэну, села рядом, и обняла его.

— Расскажи мне о нем, — попросила я тихо. — Каким он был?

Дэн молчал долго. Я уже думала, что он не ответит. Но потом он заговорил.

— Он был... ярким. Слишком ярким. Как фейерверк. Когда он входил в комнату, все вокруг начинало двигаться быстрее. Он говорил громко, смеялся громко, жил громко. Никогда не унывал, не сомневался, не боялся.

— А ты боялся?

— Я боялся за него, — Дэн усмехнулся. — Все время. Он был бесстрашным до дури. Лез туда, куда умные не суются. И я всегда был рядом, чтобы поймать, если упадет.

— Поймал? — спросила я шепотом.

Дэн покачал головой.

— Не в этот раз...

Я обняла его крепче. Слова были не нужны. Иногда молчание говорит громче.

На столе лежала старая стенограмма, которую мы открыли вчера. Ровные строчки, пометки красными чернилами, и в углу — *«Данек, ты придурок. Расслабься, мы справимся»*.

Саша знал, что Дэн будет волноваться. Знал и оставил ему эту записку. Как будто предчувствовал, что через много лет она станет мостиком между прошлым и будущим.

— Знаешь, — сказала я. — Мне кажется, он был прав.

— В чем?

— В том, что ты его глаза на затылке. Ты и сейчас видишь дорогу раньше, чем она появляется. Просто теперь ты видишь ее для нас двоих.

Дэн повернулся и посмотрел на меня. В его глазах стояли слезы.

— Ты правда так думаешь?

— Правда, — я взяла его за руку. — И знаешь что еще? Я думаю, что он бы гордился тобой.

Дэн закрыл глаза и прижался лбом к моему лбу.

— Спасибо, — прошептал он. — Что не боишься моего прошлого. И что веришь.

Я улыбнулась.

— А ты верь в меня. И все получится.

За окном светало. Ночь заканчивалась и начинался новый

день. Мы сидели на полу, обнявшись, и учились жить дальше. Вместе. С памятью о Саше, с его мечтой, с его верой в то, что его штурман — лучший.

Глава 4. Стенограмма (Регина).

Третий день подряд я просыпалась под звук клавиш.

Дэн сидел за столом с ноутбуком, перед ним была разложена старая стенограмма, на экране замер кадр итальянского серпантина. В наушниках он слушал какие-то записи, иногда делая пометки в тетради, иногда просто сидел неподвижно, глядя в одну точку.

Я вставала, варила кофе, ставила чашку рядом с ним. Он кивал, не оборачиваясь. Я готовила завтрак, звала его — он приходил через полчаса, когда все остывало, ел молча и снова усаживался за стол. Я уходила на тренировку, возвращалась — он сидел там же. Я ложилась спать — свет в комнате горел до двух ночи.

На четвертый день я начала злиться.

Не потому, что он меня игнорировал. Я понимала — это важно. Это его способ справиться с прошлым, переварить его и сделать частью себя. Но когда любимый человек превращается в статую, которая только иногда моргает и пьет кофе, любая закипит.

На четвертый день я решила вмешаться...

— Дэн, — я подошла к столу с двумя чашками свежего кофе. — Давай помогу.

Он поднял на меня рассеянный взгляд, будто только что заметил, что я вообще тут.

— Что?

— Помогу, — повторила я, ставя чашку перед ним. — Со стенограммой. Я тоже понимаю в гонках, знаешь ли. Не первый год за рулем.

Он моргнул, посмотрел на экран, потом на меня.

— Я сам...

— Я вижу, как ты сам, — я старалась говорить мягко, но в голосе предательски проскочили нотки раздражения. — Третьи сутки сидишь. Дай я посмотрю, может, свежим взглядом увижу то, чего ты не замечаешь.

Я протянула руку к его тетради, но Дэн непроизвольно отдернул ее, прижав к груди. Жест был таким быстрым, почти рефлекторным, что я замерла.

— Регина, не надо, — сказал он. — Это сложно. И ты не знаешь нашу систему.

— Я могу научиться, — я все еще пыталась сохранить спокойствие. — Покажи мне и объясни. Мы же команда.

— Мы команда на трассе, — он отвернулся к экрану. — А это... Это другое.

— Что другое?

Тишина. Дэн смотрел на стенограмму, и я видела, как ходят желваки на его скулах.

— Дэн, — я обошла стол и встала напротив, заставляя его смотреть на меня. — Я не враг. Я не лезу в твою память. Я просто хочу помочь.

— Ты не можешь помочь, — голос его был глухим. — Ты

не знаешь, как мы работали. У нас с Сашей была своя система: значки, сокращения и ритм. Ты начнешь править, и все сойдет.

— Я не собираюсь править, — я начинала закипать. — Я предлагаю помощь. Посмотреть свежим взглядом, подсказать, если увижу что-то, что ты упускаешь из-за того, что просидел тут три дня безвылазно.

Дэн резко поднялся, отодвинув стул так, что тот чуть не упал.

— Мы с Сашей иначе записывали, — отрезал он. — Это не твоя стенограмма. Это наша. И я буду делать так, как мы делали всегда.

Слова ударили хлестче пощечины. Я смотрела на него и чувствовала, как внутри закипает что-то горячее и горькое. *Не твоя. Наша.* Я здесь, рядом, пытаюсь вытащить его из этого добровольного заточения, а он — «не твоя».

Я могла бы закатить скандал. Могла бы крикнуть, что я уже его жена, его пилот, его вторая половинка, а он до сих пор живет прошлым. Могла бы швырнуть чашку об стену или хлопнуть дверью так, чтобы штукатурка посыпалась. Вместо этого я молча пошла в прихожую...

Надела кроссовки, зашнуровала туго, до терпимой боли в ступнях. Натянула ветровку, хотя на улице было март. Дэн стоял в дверях комнаты и смотрел на меня. В глазах его было что-то похожее на раскаяние, но он молчал.

Я молча вышла за дверь. Стадион на окраине города

встретило меня ветром и запахом прелой травы. Я побежала сразу, без разминки. Рванула так, будто за мной черти гнались. Кроссовки затормаживались о резиновое покрытие дорожек, ветер хлестал по лицу, легкие горели.

Я бежала и злилась. Злилась на Дэна за его упрямство. Злилась на Сашу, который даже мертвый стоит между нами. Злилась на себя за то, что не могу пробить эту стену.

«Мы с Сашей иначе записывали.»

Да плевать я хотела, как вы записывали! Я здесь, живая, рядом и готовая помочь, а ты меня даже на пушечный выстрел не подпускаешь к своему *священному* прошлому!

Я прибавила скорость. Сердце колотилось где-то в горле, пот заливал глаза, но я бежала. По кочкам, по ямам, по грязи. Стадион кончился, началось поле, но я не останавливалась.

«Не твоя стенограмма.»

А кто моя? Я вообще кто в этой истории? Пилот, который просто едет по трассе? Женщина, которая греет постель? Или я все-таки часть его жизни, часть его настоящего, имеющая право на свое место?

Я бежала, и злость потихоньку выходила из меня с каждым выдохом. Потому что где-то глубоко внутри я знала ответ: я знала, что Дэн не хотел меня обидеть. Что он не ревновал меня к прошлому — он сам был заперт в нем, как в клетке. Что фраза *«мы с Сашей»* — это не про то, что я хуже. Это про то, что он пока не умеет иначе.

«Представь, что у тебя была правая рука», — говорила я

себе, переходя на шаг. — «Самая лучшая правая рука. Которая делала все идеально, без слов и на рефлексках. А потом руку оторвало. И ты живешь с этим, учишься делать все левой. А левая — это я. Я пытаюсь стать его новой рукой. Но он все еще помнит, как было с правой. И каждый раз, когда левая делает не так, как привыкла правая, ему больно...»

Я остановилась, уперевшись руками в колени, и пыталась отдышаться. Вокруг было пусто: поле, лес на горизонте, небо, затянутое облаками. Ни души. Только ветер шуршит травой. Я глубоко вздохнула, распрямилась и посмотрела в сторону города. Много домов вдалеке. А там, внутри одного из домов, сидит мой мужчина и убивается над стенограммой, которая снится ему в кошмарах несколько лет уж точно.

Злость ушла. Осталась только усталость и странная, тягучая жалость. Не к себе — к нему. Дэн не монстр или эгоист: просто он пока не умеет жить иначе. Он пытается, но у него не всегда получается. И моя задача — не кричать, не требовать, не ставить ультиматумов. А просто быть рядом и ждать... И иногда бить морду, но по-доброму.

Я развернулась и пошла обратно. Дверь была не заперта. Я вошла тихо, стараясь не шуметь. В комнате горел только свет от ноутбука. Дэн сидел за столом, уткнувшись лицом в раскрытую тетрадь. Я сначала подумала, что он читает, но потом увидела, что плечи его расслаблены, голова склонилась набок.

Он спал... Я подошла ближе. Так и есть — спит, уронив

голову на стенограмму. Щека прижата к странице, на лбу отпечаталась часть строчки, написанная красными чернилами. Рука все еще сжимает ручку, пальцы в чернилах. Рядом стояла нетронутая чашка кофе, которую я принесла утром. На поверхности образовалась маслянистая пленка.

Я смотрела на него и чувствовала, как комок подкатывает к горлу. Осунувшийся, с легкой щетиной и с темными кругами под глазами. Восемь лет вины, спрессованные в три дня почти без сна. Он не отдыхал: он пытался победить прошлое заранее и в одиночку.

Осторожно, чтобы не разбудить, я вытащила ручку из его пальцев. Он шевельнулся, что-то пробормотал, но не проснулся. Тогда я накрыла его плечи пледом, который всегда висел на спинке стула. Дэн вздохнул во сне и уткнулся носом в тетрадь еще глубже.

Я села на пол рядом со стулом и прислонилась головой к его ноге. Так и сидела, глядя в темноту за окном. Злости не было. Была только усталость, тепло его тела через джинсы и странное, почти материнское чувство защиты. Я хотела забрать его боль, вынуть ее из него, как занозу, и выбросить. Но на своем опыте знала, что так не работает: он должен сам. Мое дело — быть рядом, когда он устанет бороться.

В комнате тикали часы. Где-то за стеной завyla собака. Дэн посапывал, уткнувшись в стенограмму, и я вдруг поймала себя на мысли, что люблю его сейчас даже сильнее, чем в моменты счастья. Потому что в моменты счастья лег-

ко любить. А вот когда человек показывает тебе свое самое болезненное, слабое и человеческое, но не прогоняет, а позволяет быть рядом: вот тогда это по-настоящему.

Я не знаю, сколько мы так просидели. Может, час, может, два. Но когда Дэн вдруг вздрогнул и проснулся, я все еще была рядом.

— Регина? — голос его был хриплым со сна. — Ты чего на полу?

Я попыталась казаться серьезной (будто еще обижаюсь) и буркнула:

— Тебя стерегу...

Он посмотрел на меня, потом посмотрел назад, скорее всего на плед, которым был укрыт.

— Я... — начал он.

— Не извиняйся. Я знаю.

— Регина, я не хотел...

— Говорю же, что знаю, — перебила я. — Ты не хотел меня обидеть: просто пока не умеешь иначе. Я понимаю.

— Иди сюда, — сказал он.

Я нехотя поднялась с пола и села к нему на колени. Он уткнулся лицом мне в плечо и обнял. Я чувствовала, как он дышит — глубоко, неровно, будто пытается успокоиться.

— Я люблю тебя, — прошептал он куда-то в воротник моей ветровки.

— Я знаю, — я погладила его по голове, запустив пальцы в волосы. Не могла сдерживать улыбку. — Я тоже тебя люблю.

— Прости меня...

— Уже простила.

Мы сидели в темноте, обнявшись, и я смотрела на стенограмму, раскрытую на столе. Ровные строчки, пометки на полях, красные чернила в углу. *«Данек, ты придурок. Расслабься, мы справимся».*

Саша знал. Знал, что его штурман будет убиваться и винить себя, будет сходить с ума. И оставил ему эту записку, как якорь, за который можно зацепиться, когда совсем плохо.

— Знаешь, а он был мудрым.

— Кто? — Дэн поднял голову.

— Саша. Он знал, что ты будешь себя грызть и все равно верил в тебя.

Дэн посмотрел на стенограмму, и я увидела, как дрогнули его губы.

— Я не заслуживаю такой веры.

— Заслуживаешь, — я взяла его лицо в ладони. — И ты это докажешь в Сан-Ремо. Мы это докажем... Вместе?

Он кивнул и снова прижался ко мне. За окном начинало светать. Стадион за домом постепенно проступал из темноты, серый и пустой. А в маленькой комнате на краю этого города сидели двое и учились доверять друг другу. По-настоящему. Без оглядки на прошлое.

Глава 5. Чужая трасса (Регина).

8 лет назад.

Финляндия встретила меня холодом, который пробирал до костей. Я стояла у окна в гостиничном номере и смотрела на бесконечный лес за стеклом. Сосны, сосны, сосны — серые, мрачные, бескрайние. Они тянулись к небу, как острые иглы, и, казалось, не было им конца и края.

Я прижалась лбом к холодному стеклу и попыталась вспомнить, как вообще сюда попала.

Юниорский чемпионат. Звучит круто, правда? Отбор лучших молодых гонщиков, шанс заявить о себе, возможность попасть в большую команду. Мечта, ради которой я пахала два года. Работала на износ, сэкономила на всем, ночевала в гараже, вкладывала каждую копейку в машину и тренировки.

И вот я здесь. Одна и в чужой стране. Без языка, без команды и без поддержки.

Внизу, на парковке отеля, стояла наша арендованная «Шкода» — машина, которую я должна была пилотировать через три дня. Я уже изучила ее вдоль и поперек, облазила каждый сантиметр, но она все равно оставалась чужой. Не моей. Железкой на иностранных номерах, которая не чувствовала моих рук.

За стеной громко разговаривали финские гонщики. Я не

понимала ни слова, только интонации — громкие, уверенные, хозяйские. Они были дома. Они знали эти трассы, этот климат, этот лес. А я была чужачкой, которую никто не ждал.

Я отошла от окна и села на кровать. Пружины жалобно скрипнули. Номер был, мягко говоря, ужасным — обои в цветочек, небольшая кровать и запах пыли, въевшийся в шторы. Но выбирать не приходилось. Денег было немного, а впереди еще три дня до старта.

Я достала телефон. Связь ловила, но с трудом, сообщения от мамы приходили с задержкой, а позвонить домой стоило бешеных денег. На экране застыла фотография, которую я сделала перед отъездом: наш двор, скамейка, мама машет рукой. Обычное фото, без фильтров и постановки. Сейчас оно казалось мне порталом в другой мир — теплый, понятный и безопасный.

Я смотрела на него и чувствовала, как к горлу подкатывает комок.

— Не реви, — сказала я себе вслух. — Ты взрослая, ты гонщица и ты справишься.

Но комок не уходил. Наоборот: рос, давил изнутри и разрывал грудную клетку.

Я отложила телефон, легла лицом в подушку и зарыдала. Громко, по-детски и захлеб. Плечи тряслись, слезы заливали подушку, нос предательски тек, но я не могла остановиться. Потому что внутри меня жил страх. Огромный, холодный, как эти финские сосны.

Я боялась трассы, ведь я полностью не знала ее. Я никогда не изучала досконально этих поворотов, не чувствовала этого покрытия, не слышала этого гравия под колесами. Я приехала слепая, глупая и самоуверенная девчонка, которая думала, что талант заменит опыт. А оказалось, что талант — это просто пропуск в мир, где все решает подготовка.

Я боялась языка. Как я буду общаться с механиками, если не знаю ни слова по-фински? Как спросить, если что-то сломается или как понять, что они говорят?

Я боялась одиночества. Там, внизу, в холле отеля, смеялись и пили пиво несколько финских парней. У них была команда, друзья и поддержка. А у меня — только рюкзак с вещами и контракт, который я подписала, даже не до конца понимая, на что подписываюсь.

Я плакала в подушку, и мне казалось, что я провалилась. Что зря приехала и надо было слушать маму и идти в колледж или институт, как все нормальные люди. Что гонки — это не для девочек, не для таких, как я. Не для тех, у кого нет денег и связей.

Я не знаю, сколько я проплакала. Может, час, может, два. Но в какой-то момент слезы кончились. Просто закончились, как вода в кране. Я лежала на мокрой подушке, смотрела в стену и чувствовала странную пустоту внутри. Страх остался. Но к нему добавилось что-то еще. Злость. На себя, на свою слабость, на эти слезы, которые ничего не решают.

Сев на кровати, я вытерла лицо рукавом и посмотрела в

окно. Там, за стеклом, стояла ночь. Финская, холодная, бесконечная. Где-то в этой ночи пряталась трасса, которая меня пугала.

— Ладно... Завтра я пойду и посмотрю на тебя. И ты перестанешь быть страшной.

Я легла, укрылась одеялом и закрыла глаза. Сон пришел не сразу, но пришел. Без снов, без кошмаров — просто глубокая, черная яма, в которую я провалилась до утра.

Утро было серым и промозглым. Я встала в шесть, умылась холодной водой, натянула теплый спортивный костюм и вышла на улицу. Воздух обжег легкие, запахло хвоей и сыростью. На парковке уже сутились механики, кто-то громко переговаривался по-фински или на основном английском. Хлопали дверцы машин.

Я села в арендованную гражданскую «Шкоду», которую выделили для разведки, и выдохнула.

— Поехали, Кейган, — сказала я себе. — Покажи этой трассе, кто ты есть.

Я выехала с парковки и направилась к спецучастку. Дорога петляла между сосен, и с каждым километром сердце билось все сильнее. Не от страха теперь — от предвкушения. Я ехала знакомиться. Ехала смотреть в глаза тому, что меня пугало.

Трасса открылась внезапно — лес расступился, и я увидела ее. Широкая гравийная дорога, уходящая вдаль, между деревьев. Обычная лесная дорога, каких я видела сотни. Но

сейчас она была одновременно врагом, испытанием и шансом.

Остановив машину, я вышла и вдохнула полной грудью. Тишина и только ветер шумит в кронах сосен да где-то далеко кричит птица. Подошла к началу трассы, присела на корточки и провела рукой по гравию. Мелкий, острый, с примесью песка: будет скользко. Особенно в поворотах.

Я встала, села в машину и поехала. Не спеша, внимательно, впитывая каждый метр. Вот здесь прямой участок, метров триста. Можно будет разогнаться, но в конце — резкий левый. Надо сбрасывать заранее, иначе вылетит в лес. Вот здесь яма, ее надо запомнить, объезжать слева. А вот тут, наоборот, кочка — машину подбросит, надо быть готовой.

Я ехала и читала трассу. Как письмо, написанное специально для меня. Каждая кочка, каждая яма и каждый камень рассказывали свою историю. Здесь тормозили, там входили в поворот, а тут срывались в занос. Я видела это так ясно, будто смотрела запись гонки.

Страх постепенно уходил, а на его место приходило понимание. Трасса — не враг. Она не хочет меня убить, наказать или доказать, что я слабая. Она просто лежит между сосен, и ждет. Ждет, когда я ее пойму, перестану бояться и начну чувствовать. Я шла по гравию, и внутри разгоралось странное, теплое чувство. Уверенность. Я знала, что справлюсь. Не потому, что я самая талантливая или самая сильная. А потому, что я умею слушать. И дорога мне говорит.

К обеду я проехала всю трассу два раза. Сначала проехала на машине, потом пешком, запоминая каждую мелочь. К вечеру я знала эту трассу как свою ладонь. Я вернулась в отель уставшая, немного в снегу, но счастливая. В холле снова сидели те же финские парни. Они посмотрели на меня в спортивном костюме — и кто-то хмыкнул. Но мне было все равно. Я понимала то, что они вряд ли запоминали.

В номере я скинула одежду, забралась в душ и стояла под горячей водой, пока пар не заполнил всю кабинку. А потом легла на кровать — и впервые за двое суток улыбнулась. Страх ушел и остался только азарт.

Через два дня я выйду на старт. И я сделаю все, чтобы эти финские парни, которые смеются в холле, запомнили имя русской девчонки, которая приехала одна и победила их на их же трассе.

Я не знала тогда, выиграю я или проиграю. Но я точно знала, что сделаю все возможное. Потому что я умею читать дорогу. Потому что я — гонщик. Потому что страх — это просто сигнал, что надо быть внимательнее, а не повод отступать.

Я уснула с улыбкой. И мне снилась трасса. Длинная, серая, убегающая между соснами. И я лечу по ней, и ветер свистит в ушах, и нет ничего лучше этого чувства — когда ты и дорога становитесь одним целым.

Я открыла глаза и несколько секунд смотрела в потолок.

Воспоминание было таким ярким, таким живым, что я почти чувствовала запах тех финских сосен и вкус гравия на губах. Рядом спал Дэн, уткнувшись носом в подушку. За окном начинался рассвет над полем.

Я осторожно выбралась из кровати, подошла к окну и посмотрела на серое небо. Италия ждала нас через неделю. Сан-Ремо. То ралли, куда мечтали попасть Саша и Дэн. И та, которую я никогда не видела.

Где-то внутри шевельнулся страх. Тот самый, старый знакомый. Холодный, липкий и знакомый до боли. Я улыбнулась своим мыслям и перевела взгляд на поле. Девять лет назад я точно так же боялась финской трассы. А потом вышла на разведку — и страх ушел. Потому что незнакомое перестало быть незнакомым.

— Я прочитаю тебя, Сан-Ремо, — пообещала я вслух. — Я узнаю каждый твой камень, каждый поворот, каждую яму. И ты перестанешь быть страшным.

Дэн пошевелился во сне, что-то пробормотал. Я подошла к кровати, поправила одеяло и поцеловала его в макушку.

— Все будет хорошо, — прошептала я. — Я знаю, как это делается.

За окном светало. Новый день начинался. И где-то там, в Италии, нас ждала трасса, которую мы должны были победить. Вместе.

Глава 6. Фред (Регина).

Аэропорт встретил нас гулом голосов, запахом кофе из многочисленных кофеев и бесконечной чередой людей с чемоданами на колесиках. Я всегда любила эту атмосферу — предвкушение дороги, суету, объявления о посадке, звуки взлетающих самолетов за огромными окнами.

Через пару дней мы должны улетать в Милан. А сегодня летели в Генуя.

Дэн толкал перед собой тележку с двумя сумками, в которых было упаковано наше снаряжение. Я шла рядом, сжимая в руке посадочные талоны и паспорта. В груди порхали бабочки — смесь волнения, азарта и легкого страха перед неизвестностью.

— Кофе хочешь? — спросил Дэн, останавливаясь у указателя. — У нас еще минут сорок до регистрации.

— Хочу, — кивнула я. — И какой-нибудь круассан. Итальянский настрой нужно поддерживать с самого начала.

Дэн усмехнулся и направился к кофейне, а я осталась у тележки, наблюдая за потоком пассажиров. Люди спешили по своим делам, кто-то опаздывал на рейс, кто-то, наоборот, приехал слишком рано и теперь скучал в креслах у выхода на посадку.

И вдруг среди этого людского моря я увидела их. Фред и Линда.

Они выходили из зоны проверки паспортов — видимо, тоже летели куда-то. Линда шла впереди, высокая, статная, с ее привычной идеальной укладкой и дорожной сумкой через плечо. Фред вез два чемодана и выглядел уставшим, но довольным.

Наши взгляды встретились. На секунду время остановилось. Я замерла, не зная, что делать. Улыбнуться? Отвернуться? Сделать вид, что не заметила?

Последний раз мы виделись с Фредом при не самых приятных обстоятельствах менее года назад. После того, как я выбрала Дэна. После того, как Фред ушел раздавленным. Я знала, что он с Линдой, знала, что они выступают вместе, но мы старательно избегали друг друга на всех соревнованиях.

А тут — аэропорт. Судьба, мать ее...

Фред тоже заметил меня. Я видела, как он на секунду замер, как дернулся кадык, как он перевел взгляд на Линду, которая уже шла вперед, не замечая ничего вокруг.

— Фред, — вырвалось у меня раньше, чем я успела подумать.

Он остановился. Линда обернулась, увидела меня, и ее лицо на миг стало каменным. Но она быстро взяла себя в руки, кивнула мне сдержанно и сказала что-то Фреду. Потом пошла дальше, к выходу, оставив нас вдвоем посреди людского потока.

Фред стоял в трех метрах от меня, и я вдруг поняла, что не знаю, что говорить. Извиниться? Объяснить? Просто по-

здороваться?

— Привет, Регина, — сказал он первым.

Голос у него был спокойный, ровный. Без злости, без обиды, без той боли, которую я помнила по нашему последнему разговору.

— Привет, Фред, — ответила я. — Ты... вы прилетели?

— Нет, наоборот — он кивнул куда-то в сторону. — Летим в Испанию. Говорят, там трасса хорошая и Линда решили потренироваться перед Италией.

— А потом тоже в Италию?

— Ага, — он усмехнулся. — Сан-Ремо. Все туда, похоже...

Я кивнула, не зная, что еще сказать. Повисла неловкая пауза. Люди обтекали нас с двух сторон, кто-то чертыхнулся, споткнувшись о нашу тележку, но мы стояли, как два истукана, и смотрели друг на друга.

— Регин, — Фред вдруг шагнул ко мне. — Можно тебя на минуту?

Я оглянулась в поисках Дэна. Он стоял в очереди за кофе и, кажется, ничего не замечал.

— Давай, — кивнула я.

Мы отошли в сторону, к огромному окну, за которым взлетали и садились самолеты. Фред оперся плечом о стекло и посмотрел на меня. Внимательно, изучающе, как смотрит штурман на незнакомый участок трассы.

— Ты как? — спросил он.

— Нормально, — ответила я. — Готовимся.

— Я знаю, — он кивнул. — Видел ваши результаты на чемпионате. Поздравляю, вы молодцы.

— Спасибо, — я чувствовала себя неловко.

Слишком официально и сухо. Мы же когда-то были... Ну, не совсем, но почти. Мы работали вместе, я доверяла ему свою жизнь на трассе. А теперь стоим и разговариваем, как чужие.

Фред, будто прочитав мои мысли, вздохнул и провел рукой по лицу.

— Слушай, я хочу тебе кое-что сказать, — начал он. — Давно хотел, но все случая не было. Или гордость мешала. Но сейчас, глядя на тебя... Я не обижаюсь больше, Регин. Совсем.

Я подняла на него глаза. Он говорил искренне, я это чувствовала.

— Правда?

— Правда, — Фред усмехнулся уголком губ. — Долго думал, переживал, злился. А потом понял одну простую вещь.

— Какую?

— Я был просто хорошим гоночным инженером для тебя. Я диктовал и делал все правильно. Но между нами не было той искры, того слияния, которое нужно для настоящего экипажа. Мы были профессионалами. А вы с Дэном — одно целое.

Я смотрела на него и чувствовала, как к горлу подступает

комок. Не от боли — от облегчения. От того, что этот разговор наконец случился.

— Фред, я не хотела тебя обидеть, — сказала я тихо. — Тогда, в больнице. Я просто...

— Я знаю, — перебил он. — Я все знаю, Регин. Ты не выбирала между нами. Ты просто встретила своего человека. И это не моя вина и не моя заслуга. Так сложилось...

Он помолчал, глядя на взлетающий самолет.

— Знаешь, я ведь тоже нашел, — сказал он вдруг. — Линда. Она другая. С ней я чувствую себя нужным. Не просто инженером, а партнером. Понимаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.